

ЛЕТА. Разгар турысцкага сезону. На дарогах Беларусі ў імклівым патоку машын розных марак усё часцей мільгаюць нумары замежных аўтамабіляў. Празды, што прыходзяць у Мінск з Варшавы, Берліна, Парыжа, — перапоўнены. У аэрапорце сталіцы — сапраўдны Вавілон, якую толькі мову не пачуеш: англійскую і беларускую, французскую і рускую, літоўскую, украінскую, нямецкую, польскую...

У Беларусі едуць госці з-за мяжы. Вялікім турысцкімі групамі. Сем'ямі. Прыбываюць па адным. Едуць трое студэнтаў з Сарбоны; па запрашэнню сваякоў — пажылая пара з Польшчы і эмігрант-беларус з Канады; едуць вучоныя на канферэнцыю і дзелавыя людзі па неадкладных справах.

У памяці ўсплывае сцена, бачаная ў аэрапорце. Прыбыў самалёт з Ленінграда. Да будынка аэравакзала накіроўваецца вялікая група турыстаў са Злучаных Штатаў Амерыкі. З мноства разгубленых і вясёлых, заклапочаных і шчаслівых твараў сустракаючых позіркі выходзіць адзін — старэнькая жанчына, акуратна апранутая, у белай хусцінцы няўпэўнена робіць крок наперад і пытае мажнага амерыканца: «Брацітка, ці ты гэта? Пяцьдзесят год мінула... Цяжка пазнаць».

Абдымкі. Слёзы радасці. Першыя мінуты такога няёмкага і такога зразумелага гэтым двум маўчання. Такое можна бачыць даволі часта.

Многа суайчыннікаў пабывала сёлета на Радзіме. Прыязджалі тры вялікія турысцкія групы з Канады, якія ўзначальвалі Сямён Шэйла, Уладзімір Гаўрыцкі і Мікалай Саломка. Некалькі дзён знаходзіліся ў Мінску і Брэсце нашы землякі са Злучаных Штатаў Амерыкі. Гэтую групу ўзначальвала Марыя Радзі. А колькі беларусаў з Амерыкі Аўстраліі, Еўропы гасцяць сёння ў вёсках Палесся, Прынямоння, Прыбужжа!

Што іх цягне ў край, які можна было забыць за паўвека жыцця на чужыне? Што вабіць?

Не, Радзіму нельга забыць, як нельга забыць сваё імя. Яна кліча да сябе, яна сніцца па начах і мроіцца наяве.

Некалькі дзён назад у Мінску знаходзілася група дзяцей нашых суайчыннікаў з розных краін Еўропы і Амерыкі. Была сярод іх і Зоя К. Яна наведла радзіму свайго бацькі Пінск, сустрэлася з роднымі. Ад'язджаючы, Зоя К. папрасіла:

— Я хацела б павезці з сабой якую-небудзь беларускую кніжку...

— Навошта? Ты ж не чытаеш па-беларуску?

— Бацька прасіў. Ён вельмі сумуе па Беларусі...

А пры сустрэчы з суайчыннікамі, што прыязджалі ў складзе турысцкай групы Уладзіміра Гаўрыцкага, прадстаўнікоў Беларускага таварыства ўзрушыла і кранула да глыбіні душы такая сцена. Перад тым, як пачаць гутарку, гасцей запыталі:

— На якой мове будзем з вамі гаварыць, дарагія суайчыннікі?

— На беларускай, — у цішыні раздаўся ўсхваляваны голас. — Надта ж рэдка мы яе чуюм за мяжой... Сумуем без яе.

Ці ж можна забыць тую зямлю, якую перамераў

ўдоўж і ўпоперак пехатой? Ці ж можна сцерці з памяці родную старонку — Беларусь, дзе родзіць самая смачная бульба, дзе жывуць ветлівыя людзі, дзе кружыцца ў непаўторным танцы Лявон з Лявоніхай?

Едуць госці ў Беларусь... Яны з цікавасцю ўглядаюцца ў яе маляўнічыя краявіды, любуюцца ансамблямі маладых гарадоў, знаёмяцца з людзьмі. У вачах нашых землякоў мы чыталі неспрытворнае захапленне ўсім убачаным, у іх пытаннях, што сьпаліся на кожным кроку, мы чулі жывую цікаўнасць, імкненне лепш, глыбей пазнаць наша жыццё, пазнаць новую Беларусь. Многія з землякоў прыязджаюць з фота- і кінакамерамі.

— Каб лягчэй было там (у Злучаных Штатах, ці Канадзе, ці іншай якой краіне) даказаць некаторым, што гаворыш праўду, — тлумачылі нашы госці.

Чатыры гады назад у Беларусі гасціла Марыя Лежабокава з Канады. Тады якраз рэспубліка адзначала 20-годдзе свайго вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Марыя Лежабокава зняла дакументальны фільм пра Беларусь, пра свята вызвалення. Яна аб'ездзіла з гэтым фільмам амаль усю Канаду. Праўда аб нашай краіне дайшла да сэрцаў тысяч суайчыннікаў.

Многія нашы госці, якія прыязджаюць сёлета, ідуць па слядах Марыі Лежабокавай. Відаць, у хуткім часе за мяжой, у клубах прагрэсіўных арганізацый і саюзаў, сотні эмігрантаў убачаць дакументальныя кадры ці фотаздымкі пра Савецкую Беларусь, якая адзначае свой 50-гадовы юбілей. Мы ўдзячны гэтым нашым сябрам за тое, што яны сёння праўдзівае слова аб сваёй Бацькаўшчыне, раскажваюць пра яе адраджэнне ў братнім саюзе з усімі народамі Краіны Саветаў.

Але на турысцкіх маршрутах сустракаюцца часам і двудушныя Янусы. Гэта пра іх піша наш зямляк з Амерыкі С. Сянько: «Тут ужо двое такіх тыпаў вярнуліся з Савецкага Саюза і, не шкадуючы чорных фарбаў, гавораць такое пра сваю Радзіму, што аж вушы вянуць. Нягоднікі, іх частавалі хлебам-соллю, а яны так аддзячылі!»

Так аддзячыў за гасціннасць беларусаў і Д. Гарбацэвіч са Злучаных Штатаў Амерыкі. Два месяцы гасціў ён на Случчыне, еў, піў, ездзіў па гарадах і вёсках, усё хваліў, усё яму падабалася, а вярнуўся за мяжой і напісаў пра свой край, пра сваіх землякоў брыдкаю хлуснёю. У твар людзям ён не асмеліўся сказаць нічога з таго, аб чым піша, бо тут жа яго злавлілі б на словы, як хлуса, бессаромнага ілгуна. Затое там, у ЗША, ён даў волю сваёй чорнай фантазіі.

Сёння мы друкуем у нумары матэрыялы, якія паказваюць, што за зерне імкнецца пасяць у радах эміграцыі Д. Гарбацэвіч і чаго варта яго пісаніна.

Але племя гарбацэвічаў вымірае. Большасць людзей прыязджае ў Савецкі Саюз з адкрытай душой і шчырым сэрцам. Мы не тоім перад імі нічога, ні сваіх здабыткаў, ні заган. Яны бачаць сваю зямлю ў новым святле. Гэтае святло сагравае сэрцы землякоў, поўніць радасцю душы. Зямля іх маленства, якая была некалі калыскай гора і галечы, у росквіце сустракае зорак свайго юбілею.

Едуць госці ў Беларусь...

БЕЛАРУСЬ... Як ветлівая гаспадыня, ты гасцінна сустракаеш сваіх далёкіх сыноў. Ты назаўсёды застанешся ў іх сэрцах, бо для іх, раскіданых па белым свеце, ты на ўсё жыццё — родная маці. Яны не зракліся цябе, хоць і жывуць ужо колькі год па-за тваімі межамі. Яны падзяляюць боль тваіх страт і захапляюцца тваім ратным подзвігам, ім радасна бачыць цябе адноўленай і шчаслівай, як заўсёды, працавітай і руплівай.

Колькі такіх сценаў адбылося ў музеі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны! Попел вязняў Трасцянца... Гэтага не сцерці з нашай памяці. Як не ачарніць і нашых здабыткаў, сімвалам якіх сталі беларускі трактар і аўтамабіль, што разбегліся па шляхах і дарогах розных краін свету.

Беларусь выстаяла і перамагла, Беларусь у zenіце славы сустракае свой юбілей.

НА ЗДЫМКАХ: канадскія турысты, выхадцы з Беларусі і Украіны, на Мінскім трактарным заводзе і ў зале музея Вялікай Айчыннай вайны.

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ
ПО-БЕЛОРУССКИ

Разгар туристского сезона. По дорогам все чаще встречаются машины с зарубежными номерами. Едут туристы большими группами, семьями, в одиночку. Много соотечественников побывало в этом году на Родине. Приезжали три большие группы из Канады. Несколько дней находились наши земляки из Соединенных Штатов Америки в Минске и Бресте. Много белорусов из Америки, Австралии, Европы гостит в селах Полесья, в Принеманском крае, на Брестчине. Побывала также группа детей наших соотечественников из разных стран. Едут гости в Белоруссию. Разве можно забыть землю своих отцов, которую исходил когда-то вдоль и поперек пешком? Гости с интересом знакомятся с людьми, любят городами. Но на туристских маршрутах еще встречаются и такие «гости», которые стараются все показать в черном свете. Так отблагодарил за гостеприимство белорусов Д. Горбачевич из США. Два месяца гостил он на Случчине, ездил по городам и селам республики, все ему нравилось, всем он восхищался, а вернулся за границу и написал живую книгу про свой край, про земляков. Но таких «гостей» становится все меньше. Большинство людей приезжает в Советский Союз с открытой душой и добрыми намерениями («ЕДУЦЬ ГОСЦІ У БЕЛАРУСЬ...», 1 стр.).

Случская земля славится плодородием. А сколько крестьян она разорила и выгнала за океан пятьдесят с лишним лет назад. Теперь этим людям по 60—70 лет, но Случчине забыть они не могут. У кого есть возможность, приезжают посмотреть, как живут и работают их соотечественники. Приезжают и не узнают свой край. Соха и серп заняли свое место в музеях. У людей теперешней Случчины богатая техника, на осушенных торфяниках колхозники сеют пшеницу, сажают «картофель», сахарную свеклу. До Октябрьской революции на Случчине было всего несколько заводов и мастерских. Сейчас здесь много крупных предприятий, большинство из них появилось после Великой Отечественной войны. Искусство случских крепостных ткачих досталось в наследство сегодняшним мастерам. В прошлом году на Всемирной выставке в Монреале тысячи людей, проходивших через советский павильон, любовались поясами, вышитыми сорочками, созданными их золотыми руками. Случчина дала стране немало талантливых ученых, полководцев, видных общественных деятелей. На широкий путь вывела Советская власть трудящихся Случчины («НА ШЫРОКІ ПРАСЦЯГ», 2-3 стр.).

В Минске гостила третья группа прогрессивной канадской газеты «Вестник». Минск встретил гостей солнцем и теплом. В столице Белоруссии земляки совершили экскурсию по городу, в музей Отечественной войны, на тракторный завод. «Нам многому нужно у вас учиться», — сказал К. Киевич. — Вы для рабочего создали такие условия жизни и работы, каких не знает ни одна капиталистическая страна. Вы гарантируете каждому человеку работу. А богатая Канада об этом только мечтает! («СОНЦАМ СУСТРАКАЕ МІНСК», 7 стр.).

Новая школа ў Казловічах.

Слук у 1966 годзе.

вод і мэблевая фабрыка, з'яўдаюцца падмуркі новых прамысловых аб'ектаў. Гэта — сённяшні дзень слускай зямлі.

Яна дала краіне нямала таленавітых вучоных, палкаводцаў, выдатных грамадскіх дзеячоў. Тут, на Случчыне, пачыналіся шляхі-дарогі, што вывелі на вялікі жыццёвы прастор сына каваля Сямёна Косберга, выдатнага канструктара авіяцыйных рухавікоў, Героя Сацыялістычнай Працы; сялянскага хлапца Уладзіміра Дубовіка, генерала Савецкай Арміі; беларускага паэта Васіля Вітку, заслужанага ўрата Беларускай ССР Івана Бахановіча, былога старшыню вядомага на ўсю рэспубліку калгаса «1 Мая» Героя Сацыялістычнай Працы Васіля Козела.

На шырокі прасцяг новага жыцця вывела працаўнікоў Случчыны ўлада Савецкай. Яны сталі гаспадарамі зямлі, фабрык, машын. Іх дзеці вучацца ў школах і інстытутах, становяцца спецыялістамі. Многія з іх вяртаюцца ў родны край і працуюць тут урачамі, настаўнікамі, бібліятэкарамі, інжынерамі. Людзі такіх прафе-

сій заўсёды патрэбны, таму што няспынна расце колькасць школ, бальніц, клубаў, дамоў культуры.

Да рэвалюцыі ў Слукі была адна земская бальніца на 60 ложкаў. У ёй працавалі 4 урачы і 3 фельчары. Цяпер у Слукі раёне 8 бальніц, 2 дыспансеры, 2 урачэбна-амбулаторныя ўчасткі, 29 фельчарска-акушэрскіх пунктаў, 10 аптэк. У медыцынскіх установах раёна працуюць 159 урачоў, 543 работнікі з сярэдняй адукацыяй.

Пра тое, што медыцынская дапамога, лячэнне ў нас бясплатныя, нашым чытачам гаварыць не трэба. Многія з іх самі мелі магчымасць пераканацца ў гэтым. Бясплатнае навучанне ў школах, і ў вышэйшых навучальных установах.

Між іншым, пра школы. Як сведчыць статыстыка, у 1913 годзе ў Слукі павеце было 19 царкоўна-прыходскіх школ, у якіх вучыліся 650 дзяцей. Што гэта была за навука, нашы сучасныя ведаюць, бо многія самі хадзілі ў дзяцінстве ў такія школы. Пахадзіў з імі-другую, навучыўся чытаць ды лічыць — і годзе.

У Слукі раёне цяпер ёсць 19 сярэдніх, 26 васьмігадовых і 70 пачатковых школ. Іх штодня наведвае 14 тысяч хлопчыкаў і дзяўчынак. Ім не трэба хадзіць у школу за сем вёрст, як некалі іх бацькам ці дзядам, — школы ёсць амаль у кожнай вёсцы, наблізу. Светлыя класы, кабінеты фізікі, хіміі, біялогіі, вучэбныя майстэрні, наглядныя і вучэбныя дапаможнікі, спартыўны інвентар — вось што ўяўляе сабой сёння савецкая школа. Не дзіва, што цяпер вучні самі робяць складаныя кірумыя мадэлі самалётаў і пянікоў, збіраюць робатаў, пішуць цудоўныя вершы. Малюнкі случіц дзяцей неаднаразова экспанаваліся на рэспубліканскіх выстаўках, песні, якія спяваюць случкія піянеры, гучаць у эфіры на ўсю краіну.

На Случчыне любяць песню і трапнае слова, таму аматараў мастацкай самадзейнасці тут сустранеш у кожным калгасе, на кожным заводзе. У іх распараджэнні 4 дамы культуры, 86 сельскіх клубаў. Народны тэатр гарадскога Дома культуры на III дэкадзе мастацкай самадзейнасці Бе-

ларусі заваяваў першае месца ў рэспубліцы. Яго спектаклі з захваленнем глядзелі жыхары сталіцы.

Славяцца сваім майстэрствам старэйшыя калектывы — Казловіцкі хор і драматычны гурток Бокшыцкага сельскага клуба. А наогул у раёне 158 самадзейных калектываў, у якіх прымае ўдзел дзве з палавінай тысячы аматараў мастацтва.

Случчына... Пры гэтых словах успамінаеш Казловічы — цэнтр калгаса імя Кірава... Вяжыць асфальт зялёнай вуліцы. Паабалалі дамы, дамы, крытыя шиферам, з тэлевізійнымі антэнамі на дахах. Такія, як у даяркі А. Лакцінавай, — прыгожыя, двухпавярховыя катэджы. Колькі такіх вёсак цяпер на Случчыне! У іх віруе новае жыццё, у іх жывуць новыя людзі. Яны не ведаюць, што такое чапярцінка зямлі на вялікую сям'ю, ім не баліць галава, як пражыць ад навіны да навіны, адкуль узяць грошы на падаткі, іх не гоніць у белы свет цемра і галеча. Яны знайшлі шчасце на роднай зямлі.

В. КРАСЛАЎСКІ.

НАШЫ КАРЭСПАНДЭНТЫ Паведамляюць

ВІНАГРАД НА ПЯСКАХ

Пасёлак беларускіх энергетыкаў Белаазёрск называюць белакаменным — ён увесь пабудаваны з белаі сілікатнай цэглы. Горад расце, прыгажэе. Тут з'яўляюцца кварталы шматпавярховых будынкаў, новыя вуліцы. Вежавыя краны настолькі сталі звыклымі ў пейзажы маладога горада, што на іх неяк мала звяртаеш увагі. У канцы вуліцы Леніна ўзводзіцца корпус шматпавярховага будынка, дзе будзе жыць заводскія рабочыя, тут жа будзе прафілакторый. Многія дзесяткі белаазёрцаў справілі наваселле ўжо ў гэтым годзе, не адна сям'я энергетыкаў і будаўнікоў атрымае прасторныя, добраўпарадкаваныя кватэры ў бліжэйшым будучым. Заканчваюцца апошнія прыгатаванні да адкрыцця палаца культуры. Ён у асноўным прызначаны для дарослых, а вось вызваленае памяшканне цяперашняга клуба будзе перададзена ў распараджэнне рэбят — тут намечана адкрыць дом піянераў і школьнікаў.

Дзве сярэднія школы, бальніцы, гасцініца, магазіны, прафтэхвучылішча з цэлым комплексам дапаможных забудоў, аддзяленне сувязі дапаўняюць характарыстыку Белаазёрска.

Але нельга не сказаць і аб тым, што Белаазёрск стаіць на пясчанай глебе. Тут не хоча расці трава, вакол вельмі мала дрэў. Але белаазёрцы любяць свой горад, імкнуча зрабіць яго прыгожым. Яны многа ўвагі звяртаюць на яго добраўпарадкаванне. На бесплодных пяскі завозіцца чарназём, разбіваюцца газоны, клумбы. На паўночнай ускраіне вырас цэлы таполевы гаёк. Нямала пасадзілі белаазёрцы ўздоўж вуліц, на плошчах, на стадыёне ліп, клёнаў, каштанаў, пачалі пладаносіць яблыні, грушы, вішні. Аматыры здолелі нават вырасіць вінаград.

Е. СЯЛЕНЯ.

КАЛГАСНЫ ГАРАДОК

Надзвычай хутка ляціць час. Здаецца, зусім нядаўна я разглядаў на ватманскіх лістах генеральны план забудовы адміністрацыйна-культурнага цэнтру ў калгасе імя Леніна Пінскага раёна. Шчыра кажучы, тады многім гэты план здаваўся

нерэальным. Гэта ж не жарт, у чыстым полі за параўнальна кароткі час трэба было пабудавань цэлы гарадок з двухпавярховых будынкаў.

І вось прайшло тры гады. Былой пустэчы цяпер не пазнаць. У цэнтры яе ўзвышаецца прыгажун-клуб з прасторнай светлай глядзельнай залай, пакоямі для работы гурткоў, танцавальнай залай, бібліятэкай, шырокакранным кінатэатрам. Некалькі пакояў на другім паверсе займае калгасная кантора. Але гэта з'ява часовая. Ужо вядуцца работы ў новым двухпавярховым будынку, дзе размесцяцца і праўленне калгаса, і сельскі Савет. Побач узведзены і заселены двухпавярховы жылы дом з усімі выгодамі.

Цяпер пачаўся новы этап будаўніцтва калгаснага гарадка. Узводзіцца гандлёвы комплекс: вялікі універсальны магазін са сталовай. Узведзены першы паверх школы. Будуецца вялікая кацельня, якая дасць цяпло ва ўсе будынкі.

— У перспектыве, — гаворыць старшыня арцэлі Васіль Іванавіч Лыгановіч, — спартыўны гарадок, дзіцячая пляцоўка, пасадка парку.

С. ШАПРА.

«МОЙ РОДНЫ КУТ»

Калі заходзіш у Грэскую сельскую бібліятэку Слускага раёна, абавязкова звяртаеш увагу на прыгожа аформленую выстаўку «Мой родны кут». Малюнкі, фотаздымкі, кнігі раскажваюць аб прыгажосці беларускай прыроды, родных мясцін. Выклікае цікавасць раздзел «Люблю мой край, старонку гэту, дзе я радзілася, расла». У ім раскажваецца аб Грэску, яго дараваўчым мінулым і сучасным.

За гады Савецкай улады вёска Грэск вырасла. Ёсць тут райпракамбінат, міжкалгасбуд, будаўніча-мантажнае ўпраўленне, сельцо, кінатэатр, сярэдняя школа, бальніца, аптэка, некалькі магазінаў. У 1980 годзе Грэску споўніцца 500 год. Матэрыялы аднаго з раздзелаў раскажваюць аб тым, як жыхары Грэска змагаліся за Савецкую ўладу.

У бібліятэцы шмат матэрыялаў аб Случчыне, яе гістарычным мінулым.

М. СЯЎРУК.

Імклівы разбег па ўзлётнай паласе, і серабрыстая птушка ўзрывае ў неба. З зямлі пільна сочаць за адважным сокалам. У паветры ён не адчувае сябе адзінокам. Сувязь лётчыка з зямлёй забяспечвае складаная апаратура. Яна павінна быць заўсёды спраўнай. Аб гэтым клопаціцца брыгада радыёмеханікаў Уладзіміра Карпава Мінскага авіярамонтнага завода. На пярэднім плане — радыёмеханік Вольга УЛАСЕНКАВА.

Фота І. ВАСІЛЬЕВА.

КОГДА ГОРБАЦЕВИЧ

Через 53 года в родной деревне

Денис ГОРБАЦЕВИЧ

Я американский гражданин русского происхождения, уехавший за границу восемнадцатилетним юношей в начале 1913 года. Поехал на временные заработки, чтобы по возвращении купить пару десятин земли, на которой мечтал построить себе отдельную хату и обзавестись семейной жизнью.

После освобождения от крепостного права в 1861 году мой дед имел надел четыре десятины земли в деревне, считая под лесом и пастбищем, жил вместе в одной хате с двумя сыновьями, имевшими одиннадцать детей, вся семья составляла шестнадцать душ.

Семья была трудолюбивая, кроме своих узких полосок, разбросанных среди деревенской земли, работала поменно у помещиков, чистили луг под сенокос, лес под пашню, выкорчевывая пни, мотыгами пахали, граблями боронили и сеяли овес, рожь и пшеницу, выращивая себе и своей семье насыщенный хлеб.

ШЕСТЬ ЛЕТ ПАСТУХОМ

С девяти по шестнадцать лет я пас свой и соседский скот. В зимнее время учился в деревенской школе и помогал кормить домашних животных.

Школой служили хаты взрослых учеников, в которых по очереди учились, учителя наставляли родители учащихся.

В деревне я был почти первым «грамотей», и отец мой этим очень гордился. Научившись читать, я много читал в досуге. Читал сказки «Заднепровская ведьма», «Бова Королевич» и другие. Женщины по вечерам, прядя пряжу у камина, с интересом слушали все, что я читал, и говорили: «Боже мой! Что делается на свете: мы век прожили и ничего подобного не слышали».

ЖИЗНЬ НА ЧУЖБИНЕ

Тяга на поездки за границу на временные заработки была велика в то время. Население росло, наделы «панщины» мельчали, жить становилось тесно. И из западных областей молодежь выезжала за границу. Особенно после русско-японской войны. Пишущий эти строки поехал тоже.

Нелегко было жить на чужбине без языка, среди чужого народа. Работать пришлось тяжело физически, по родине и родных скучать.

Мировая война 1914 года. Гражданская неразбериха на

родине. Закрытие границ для выезда заставило жить на чужбине. К этому прибавилась семейная жизнь и еще больше прикрепила на долгие годы.

1934-ый год. Я с трудом вырвался от семьи и посетил своих родных. Жизнь тогда была в деревне, после гражданской разрухи, тяжелой. Пришлось вернуться обратно в Америку.

1960-ый год. Я по туристской визе посетил восемь больших городов в четырех советских республиках. В деревню родную я не имел визы.

Я В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

1966-ой год. В советском консульстве в Вашингтоне я получил визу на два месяца на посещение родных.

Наконец, я в родной деревне, где родился, вырос и провел свои юные годы, ушедшие в вечность без возврата.

Две оставшиеся в живых мои родные сестры, один шурин и дети и внуки тепло встретили меня. Радости всем не было конца. Не мог, конечно, удержаться и я от слез. Долгая разлука давала себя знать.

ДЕРЕВНЯ Я НЕ УЗНАЮ

Моя родная деревня коренным образом сменилась: улица, обтянутая невысоким забором, дворы широкие, хаты новые, большие, просторные, по 3-4 комнаты в каждой, усадьбы большие. Огороды, сады. Везде полно зелени, цветов, яблок, груш и всего в огородах.

Деревня поредела, удлинилась, обновилась новыми из цемента и жести крышами.

Колхоз «Россия» механизирован. Лошадей осталось мало. Только для легкой работы. Вся работа производится машинами, тракторами, сеялками, комбайнами.

В поле не видно помещичьих и деревенских границ. Везде — сплошное колхозное поле. И колхозники и колхозницы обрабатывают это огромное поле, на котором посеяно и растет то, что нужно колхозникам в деревне, рабочим в городе, — хлеб насыщенный.

А для корма скота посажено и растет 140 гектаров только одной кукурузы. Урожай не хуже американской.

Жизнь колхозников улучшилась. Это видно по их румяным и полным лицам — выглядят полными, сытыми, живыми, бодрыми. На столах колхозников полно съестного: хлеб ржаной и пшеничный, спеченный в государственных пекарнях, мясные и молочные супы, манная каша, сало сырое и жареное, яйца жареные и сырые, мало мяса, больше сладкого и кислого молока, помидоры в сметане и огурцы. Это меню служит на завтрак, обед и ужин.

Я видел, как колхозники после работы в поле съедают большие куски сырого сала и запивают сладким или квашеным молоком. А запивать чаем жирную пищу они не хотят, думая, что иначе нельзя делать, как делают они. Я был на двух свадьбах. А на проводы меня, как редкого гостя, мои родные собрали 48 душ обоюго пола.

КОЛХОЗНАЯ И ГОРОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Молодежь в городах живет более культурной жизнью, чем колхозная. Она больше читает, глубже интересуется жизнью.

Я говорю о большинстве. Огромный процент и горожане были колхозниками, родились и выросли в деревне.

Мне приятно было видеть и

НАМ ПРОСТО НЕ ВЕРИТСЯ

ПИСЬМО РОДНЫХ Д. ГОРБАЦЕВИЧА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ГОЛАС РАДЗІМЫ»

Уважаемая редакция!

Два месяца гостил в нашем колхозе наш родственник из Нью-Йорка. Жил он у своей сестры Евдокии Марковны Акулович. Все родные и знакомые села Кальчицы, Прошницы, Гольчицы принимали его гостеприимно, как и принято в нашем народе и как ведется среди родных. И он был очень рад. Он говорил, что мы живем сейчас лучше, чем раньше, удивлялся, как мы после таких разрушительных войн быстро залечили раны.

Но вот мы узнали о другом. И не только узнали, но имели возможность ознакомиться с книжкой, изданной в Америке под заглавием «Два месяца в гостях у колхозников». (Заметки американского туриста). Мы бы не поверили тому, что здесь на-

писано. Но на желтой обложке стоит имя автора: Д. Горбачевич. Если бы он все это написал нам в письме, мы бы ему так же ответили бы письмом. Но раз Денис Маркович захотел вести разговор открыто, то и мы хотим ответить тем же. Просим поэтому опубликовать в вашей газете письмо, которое от имени родственников написал Петр Кириллович Акулович.

Пусть те наши соотечественники в Америке, которым попала в руки эта книжка, знают и наше мнение о ней, мнение родственников.

Петр АКУЛОВИЧ,

Татьяна АКУЛОВИЧ,

Мария ТАРАН,

Павел АКУЛОВИЧ.

Денис Маркович! Обращаются к вам ваши родственники, у которых вы гостили в позапрошлом году

два месяца в деревне Кальчицы. Мы вас приняли от всей души, как родного гостя, и считали, что у вас останется хорошее впечатление о нашей Родине и о нас, родственниках. Показывали все хорошее, что мы имеем и чего мы достигли в послевоенные годы. Наши люди вас принимали с симпатией и считали, что вы эту симпатию и любовь к вашему народу передадите своим соотечественникам. На днях мы все ознакомились с вашей книгой, которую вы (или кто-то за вас) написали под названием «Два месяца в гостях у колхозников» и посвятили ее вашей матери, замечательной женщине, хорошей труженице. Мы все возмущены, что вы посвятили эту клеветническую грязную книгу матери, которая вас так любила! Мы не желаем, чтобы вы все приукрашивали, но и не хотим, чтобы вы нас порочили и делали из белого черное.

Вы пишете, что колхозники за приусадебные участки платят большие налоги. Но вы же видели, что в нашей деревне, как и в других деревнях, колхозники пользуются 0,40 гектарами земли (приусадебные участки) и платят 32 рубля в год, а больше никаких налогов. Вы пишете, что колхозники копаются в навозе, ничего не видят и плохо получают за труд. И одновременно сообщаете, что в колхозе на 90 процентов все работы механизированы. Вы сами в беседе говорили, что у нас очень много продуктов и они дешевле, каче-

ственнее ваших, особенно хлеб, которого у нас изобилие. Нет у нас никаких очередей, как вы думали, будучи в Америке.

Вы пишете, что учатся в Советском Союзе только комсомольцы и дети руководителей. Но вы сами знаете, что нашу школу после войны окончило более 400 человек. Все они учились или учатся в высших учебных заведениях. Наша деревня дала 40 учителей, больше 15 врачей, десятки агрономов и других специалистов. Их обучало государство за свой счет независимо от того, состоят они в комсомоле или нет. Вам хорошо известно, что я инвалид Отечественной войны, простой колхозник, однако смог выучить троих детей в институтах. Дочь вашего покойного дяди — заслуженный врач БССР. С ней вы имели беседу, а дядя тоже был простым колхозником. Дети и племянники ваших сестер Химы и Евдокии учатся в институтах. Зачем же вы скрыли в этой книге правду?

Вы возвели без всякого основания поклев на «Интурист», который якобы задерживал выдачу вам билетов в США. А ведь было все очень просто: из «Интуриста» позвонили к нам в колхоз, что билеты готовы, приезжайте. Я в рабочее время отпустил для вас машину, и вы поехали с племянницей в Минск, купили билеты и благодарили «Интурист». А в книжке все так извратили.

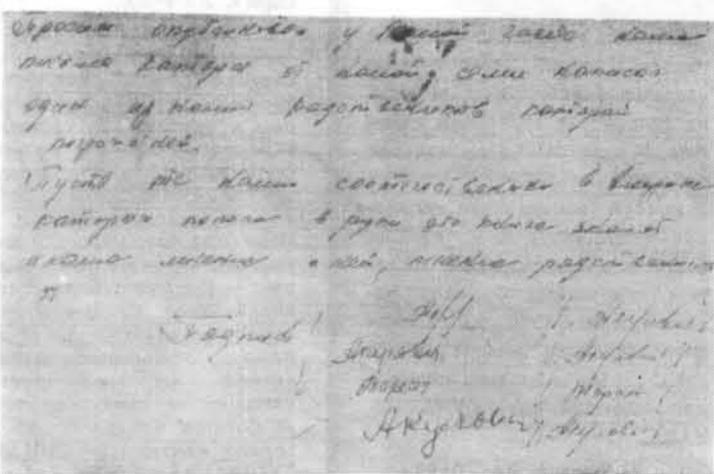
Вы пишете, будто Павла Гавриловича, вашего шурина, вызывали в милицию и ругали за то, что вы уехали в Брестскую область без разрешения. Когда Павел Гаврилович прочел эти строки, он был ошарашен такими измы-

слениями. Никто ни вас, ни его не ругал, никто вас не преследовал. Вы два месяца ходили, куда хотели, и говорили, с кем хотели. Вы видели, что у наших людей хорошее настроение, и сказали об этом на банкете у вашей сестры Евдокии. Нам всем, вашим родственникам, стыдно за вашу клевету на наших соседей и товарищей.

Я помню, как в одно воскресенье вы, Денис Маркович, вместе с шурином Павлом Гавриловичем пришли на мой приусадебный участок, где я возился с пчелами. «Зачем ты затрудняешься, ты председатель и возишься с пчелами», — сказали вы. Я ответил, что, во-первых, я люблю этим заниматься, а, во-вторых, у меня три дочери учатся, копейка в доме никогда не лишняя. «Да, тебе много надо денег», — сказали вы, — у тебя три дочери в институте. Я одну дочь Клавдию выучил, и это мне стоило 10 000 долларов».

Мои дети, сказал я тогда, получают стипендию — 35—40 рублей в месяц, а старшая за отличные успехи в учебе получала повышенную стипендию. Теперь она уже окончила медицинский институт и работает врачом в Слуцке. Я не тратил на учебу детей столько денег, сколько вы. «А мне», — ответили вы, — и сейчас нужно иметь много денег. Но ничего, я напишу книгу о моей поездке и получу много денег». Еще Павел Гаврилович, ваш шурина, сказал: «Зачем тебе, Дениска, связываться с этим?». Он чувствовал, что вы напишете не то, что говорите.

А помните такой случай в доме тестя? В комнате сидели ваши племянницы Мария и

ПИСАЛ ПРАВДУ?

гает многих: раны еще не зажили. Войны никто не хочет. К защите России готовятся. Страх, мне кажется, преувеличен. Ни одна страна в мире не нападет на Россию. А если и нападет—ее постигнет судьба, которая постигла Наполеона и Гитлера.

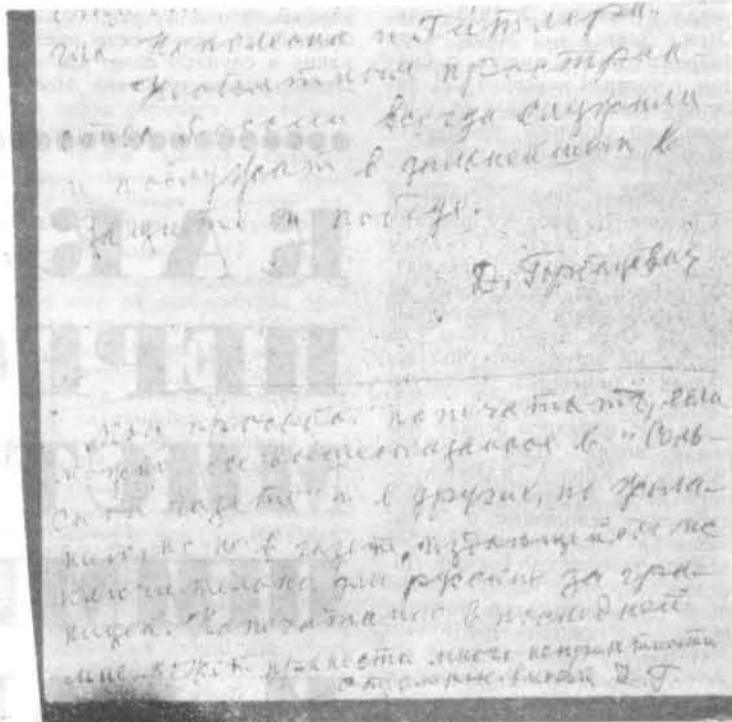
новых социалистических началах. Работа везде ширится, углубляется.

Но страх будущей войны пу-

Д. ГОРБАЦЕВИЧ.

Моя просьба: напечатать, если можно, все вышесказанное в «Сельской газете» и в других, по желанию, но не в газете, издающейся исключительно для русских за границей. Напечатание в последней мне может принести много неприятностей от американских властей.

Д. Г.

встретиться со своей двоюродной сестрой, рожденной в деревне и теперь работающей в районе старшим доктором, племянников — доктора и зубного доктора, двух учителей.

Молодежь деревни дала стране много инженеров по всем отраслям, ученых, изобретателей, писателей, докторов, артистов, агрономов, учителей. Им полезно подражать. У них не мешало поучиться уму-разуму.

В КОЛХОЗЕ

ИМ. ДЗЕРЖИНСКОГО И ИМ. КИРОВА

При содействии председателя колхоза «Россия» Акуловича Петра Кирилловича, начальника отдела культуры города Слуцка и его сотрудника Ларина Василия Яковлевича я побывал в колхозах им. Дзержинского, им. Кирова и в шахтерском городке Солигорске. Оба эти колхоза большие,

богатые, образцовые. В этих колхозах, особенно в колхозе Кирова, построено и строится много колхозных домов, кирпичных, со всеми удобствами, проведена канализация, замощены колхозные дороги асфальтом даже к свинарникам.

Механизация тоже проведена и проводится во всех отраслях сельского хозяйства. Пример, достойный подражания и похвалы.

ГОРОДА БЫСТРО РАСТУТ

Мне пришлось побывать в городах: Слуцке, Солигорске, Минске, Барановичах, Бресте, Жабинке, Кобрине и в других. Везде я заметил быструю застройку городов жилыми домами и индустрией.

Барановичи стали настоящим индустриальным городом. Построены и строятся большие—4—5-этажные жилые дома.

Минск застроился так, что не уступит большому городу на

Западе. Его широкие бульвары и улицы с большими грядами цветов и посаженными по сторонам, деревьями, его гладкие асфальтовые улицы с быстрым автобусным и троллейбусным передвижением превосходят многие города в Европе.

Слуцк тоже расширился во все четыре стороны, обогатился сахарным и текстильным заводами, огромными жилыми домами, гостиницей, железнодорожным вокзалом, домом культуры, продовольственными лавками, театром и проч.

Новый город Солигорск, шахтерский город, расположенный в 35 километрах от Слуцка, за пять лет вырос в большой город с 35 тысячами населения.

В нем дома большие, четырехэтажные. Улицы широкие, асфальтовые. Две трехэтажные школы. Несколько продовольственных и других магазинов, кино, театр, библиотеки.

Россия преобразовывается на

Заведующий отделом культуры Слуцкого райисполкома Павел Денис Горбачевич и его родственник председатель колхоза «Россия» Петр Акулович.

Таня, ваша сестра и моя теща Евдокия, ваш шуринок Павел. Вы тогда осмотрели комнату и сказали: «Да, вы хорошо живете». Потом приоткрыли шкаф, посмотрели костюмы, пощупали и дали им такую оценку: «Ваша шерсть лучше нашей, у нас все искусственное, и мой пиджак тоже искусственный». Тогда ваша сестра Евдокия попросила вас: «Ты, Дениска, не посылай нам посылки, зачем нам это барахло, а люди могут подумать всякое». Вы ответили: «Да, верно, вам помогать не надо».

А помните, когда в гостях зашел разговор о дубинках, вы поднялись из-за стола и сказали людям: «У нас все время в Америке применяют дубинку, потому что воров и жуликов много. Крадут машины, перекрашивают и перепродают». Вы вспомнили и свою вторую жену, которая увела вашу машину.

А в книжке вы пишете, что были «свидетелем жестокой расправы не только с пьяницами, но и с людьми, шедшими «неровно» в сопровождении жен и родных. Их брали и на глазах знакомых били до смерти за то, что они позорят социализм».

А разве не вы с горечью рассказали нам, как жестоко относятся в Америке к больным. Хоть умирай, не помогут, если нет денег. Вашей первой жене сделали операцию, вы уплатили много денег, а на другой день после операции из-за недосмотра она умерла. В вашей книге Америка выглядит, как рай, а наша страна показана в черном свете. Всюду вам мерещатся «стукачи», взяточники.

Вы в своей книге написа-

ли, будто всюду за туристами следят, шагу не дают сделать. В закусокных или, как вы пишете оскорбительно, в «советских обжорках» нельзя долго сидеть, вести беседу даже шепотом.

Как вам, старому человеку, не стыдно врать: вспомните тот случай, когда мы с вами ездили в колхозы имени Дзержинского и имени Кирова и в город Солигорск. Возвратившись в Слуцк, мы зашли в ресторан, сидели, а кругом все люди разговаривали нормально, не шепотом. Никто нам не сказал, чтобы мы поднялись и ушли, хотя мы и просидели более двух часов.

А вспомните случай в 1960 году, когда вы приезжали в Минск. К вам тогда приехало 18 человек родственников. Колхоз дал им машину поехать в Минск. Вы сидели, сколько вам нужно, в ресторане, а потом на частной квартире разговаривали всю ночь. Кто вам мешал? Зачем писать неправду?

Вы возмущаетесь, что вам не разрешили поехать в Жабинку. Но по закону иностранному гражданину разрешается жить там, куда выписана виза. Вы, ни у кого не спросив и даже не известив органы милиции, уехали в Жабинку к своей теще по первой жене и другу Кулику. Вас очень вежливо предупредили, что так поступать нельзя. Нам вы жаловались не на милицию, а на Кулика, который тоже был с вами в Америке и вернулся назад. Он вас встречал в Ленинграде и, как вы сказали, выудил у вас все доллары. Мы одолжили вам 250 рублей на билет. Так выглядит этот случай, а вы так извращенно его описали, что ваш шуринок Павел Гаврилович был очень

огорчен неправильным и выдуманным описанием. Он, как и мы, все ваши родственники, даже не может поверить, что вы все это написали и выдумали сами. Мы думаем, что вам кто-то нечестный помог. Возможно, те люди, о которых вы однажды под хмельком говорили, что вы им обещали написать книжку, за которую они заплатят хорошие деньги.

Когда мы читали вашу книжку, пришел ваш друг Степан Парфенович Стракович. Он тоже был удивлен: «Денис был у меня в гостях, спрашивал, может, тебе что прислать. Я ответил, что мне ничего не надо. Да он и сам видел, что я хорошо живу. Я рад, что с ним не связался».

Вы пишете, что не узнали родной деревни. Откуда вам узнать ее. Она была сожжена оккупантами во время отступления в 1919 году. Мы построили все заново. Гитлеровцы сожгли село с людьми. Только в Поликарровке, соседней деревне, сожжено 1 300 душ. Все люди у нас были в партизанах и не хотели другой власти, кроме Советской. Воевал за нее и я, был в партизанах, а потом в Советской Армии. А в книжке вы написали, что наша армия была лишена патриотизма. Это же поклеп.

В книжке вы хвалитесь, что никогда не врал. И нам так казалось, когда вы были в гостях. А вот вернулись в Америку и наклеветали.

Это письмо я пишу не только от себя. Под ним подписываются все родные, у которых вы два месяца гостили и так не по-нашему, не по-русски отблагодарили.

П. АКУЛОВИЧ.

ЗЕМЛЯКИ ОСУЖДАЮТ КЛЕВЕТНИКА

«Новое русское слово» с радостью ухватило за несправедливый и клеветнический хлам — книгу Д. Горбачевича «Два месяца в гостях у колхозников». А книжонка эта от первой до последней страницы набита ложью, клеветой и вымышленными нападениями на Советский Союз. Работал над этой книжонкой, конечно, не сам Горбачевич, а скорее кто-то из «НРС» или «Росси», или еще какой-нибудь враждебной нашей Родине газеты в Нью-Йорке. Я был в Советском Союзе в 1966 году. Ездил на Слуцчину, Несвижчину, был в Минске, Бресте, Пинске, на Воляни. Я видел колхозников и рабочих, и не видел «стукачей», о которых пишет Горбачевич.

В США хорошо платят за ложь, особенно если она направлена против СССР. В этом году, как и в предыдущие, многие эмигранты побывают в Белоруссии. Они сами увидят, чего достиг наш народ, ведь в основном на Родину едут честные люди.

Г. ВУСЬКО.

США.

13 июня в «Новом русском слове» появилась статья Д. Горбачевича о поездке в Советский Союз. Она была такая клеветническая и так разозлила меня, что я сразу вспомнил все предыдущие произведения этого «писателя» на ту же тему.

Горбачевич три раза посещал Советский Союз. В 1934—37 году он выпустил две книжки: «Что я видел в Советской России» и «Правда о Советской России». После 1966 года, когда он побывал на Родине, появилась новая книжка — «Два месяца в гостях у колхозников».

Последняя брошюра очень вредная и грязная. У этого спекулянта нет никакой этики, не говоря уже о патриотических чувствах к своей Отчизне, к своему народу. Как и первые свои книги, эту последнюю Горбачевич разослал по всей Америке различным организациям и университетам, печатным органам. Только удивляешься, как этот злой хитрец и предатель под маской друга поехал на Родину, встречался с родственниками. Он, как шпион, нарушил все правила и нормы гостеприимства, шнырял везде и всюду, совал нос во все углы, у доверчивых людей вытягивал все «секреты», а преподнес это «как чудом добытое, никому не известное открытие».

В 1934 году Горбачевич хорошо заработал, продавая Родину и клеветая на нее. Теперь он тоже, наверно, не только покрыв все дорожные расходы, но и значительно увеличил свой капитал, получив гонорар за свою писанину. За клевету в Америке хорошо платят.

С. СЕНЬКО.

США.

Мне трапіла ў рукі кніжка Д. Гарбачэвіча «Два месяца в гостях у колхозников». Як не сорамна яму, беларусу, так пісаць супраць сваіх жа братоў і сяброў, паклёпнічаць на іх, абліваць брудам іх працу, іх жыццё. Ён незадаволены сучаснай уладай на Беларусі. Але пры гэтай уладзе народ зажыў свабодна і шчасліва. Пры царскай уладзе, Гарбачэвіч сам гэта добра ведае, селянін не мог ні ўздыгнуць, ні охнуць. Гэты паклёпнік ведае, якое гора зведала яго Бацькаўшчына ў першую і другую сусветных войнаў. Ні адна краіна ў свеце не здолела б так хутка ўзняцца пасля такіх бед. І аднак, ведаючы гэта, Гарбачэвіч паклёпнічае на сваю шматпакетную Радзіму.

Мне было прыкра, і я не змог дачытаць пісаніну Гарбачэвіча да канца. Але і з таго, што прачытаў, раблю вывад: нехта моцна «дапамог» айтару, не адзін ён сачыняў гэты пасквіль.

ЗША.

Г. КУЛІНІЧ.

В последнее время в газете «Новое русское слово» (издатель В. И. Шимкин, главный редактор М. Е. Вайнбаум) появилось несколько хвалебных рецензий на книжку «Два месяца в гостях у колхозников. (Заметки американского туриста)».

Что же это за творение? Кто его автор и почему оно так заинтересовало мистеров Шимкина и Вайнбаума?

Сначала об авторе. Денис Горбачевич 18-летним парнем уехал в Америку в 1913 году. Отец Дениса — Марк Горбачевич имел вместе с братом (считая и неугоды) 21 десятину земли. Голодать не голодали, но хотелось расширить хозяйство, прикупить еще земельки.

В Америке Денис устроился на бумажную фабрику, работал по 11 часов в сутки. Тяжелым трудом поднакопил денег, 900 рублей он послал отцу на покупку земли и хозяйственные нужды. Отец деньги сына не пустил на ветер, прикупил земельки у помещика. Хозяйство твердо стало на ноги.

Но вот началась первая мировая война. Двое сыновей Марка — Корней и Тихон — погибли на фронте. Потом Октябрьская революция, и — помещичья земля раздается без всякого выкупа крестьянам. Досадно старому Марку, зачем было Дениса посылать за море на муки и тяжелый труд?

И Денису было досадно: если бы не война, не революция, как бы он жил, вернулся в родное село Кальчицы! И уже зубами заскрежетал Денис, когда узнал, что на купленной отцовской земле крестьяне, в том числе его сестры, хозяйничают артельно.

Вот тогда-то к озлобленному Денису Горбачевичу и подкатились людишки типа Шимкина и Вайнбаума, которые потеряли лавочки в России и начали торговать своей бывшей родиной. На это дело они подбили и Дениса Горбачевича. Мужичку Денису из «бедной крестьянской семьи» охотнее поверят трудяги-эмигранты в Америке, чем Шимкину и Вайнбауму.

В 1934 году Денис Горбачевич в качестве американского туриста после вояжа по Европе приезжает в СССР. Побывал в Ленинграде, Москве, Минске и других городах страны. Навестил и родную деревню, погостил у отца, матери, сестер и уехал.

В результате этой поездки появился первый «скромный труд» полуграмотного Дениса из села Кальчицы. Сколько труда вложил в эту книжку сам Денис и сколько ретивые издатели, известные только им самим, но и читатель кое-что видит. Разнобой стили, нагромождение проблем говорят о том, что над сим «трудом» поработала не одна рука. Все авторы этой глупой, путаной антисоветской книжки скрылись под псевдонимом «Минский мужик».

В письмах к родным в деревню Кальчицы Денис Горбачевич даже не занкнулся, что он стал сочинителем. Не похвалился он и своей последней книжкой, которую написал после посещения родной деревни в 1966 году, хотя на обложке уже красовалась фамилия автора: Д. Горбачевич.

Некий Аргус, расхваливая в «Новом русском слове» это «произведение», сварганенное на собственной кухне, пишет: «Большевики Горбачевича за эту книжку (имеется в виду первая книжка под псевдонимом «Минский мужик») возненавидели, и разрешение на въезд в СССР ему досталось с немалым трудом».

Заметим, что только из последней книжки стало известно, что «Минский мужик» — это тот же Горбачевич. Но не в этом суть. Как бы там ни было, во все же Горбачевичу трижды: в 1934, 1960 и 1966 годах дали возможность приехать на

Родину, навестить своих родных и близких. И трижды на гостеприимство он ответил клеветой.

В книжке Горбачевича Вайнбаум и его кухня удружились расхвалить Троцкого и Махно и унизить Маркса и Ленина, оклеветать Шолохова и вознести «писателей», которых никто в стране не знает, поиздеваться над доярками-депутатами Верховного Совета СССР и восхвалить демократию «свободного мира». И все эти факты из истории, искусства, политики, экономики познал и увидел Горбачевич за два месяца пребывания в слухом селе. Ай, да Денис, ай, да грамотей. Но не

Заметьте, не пришел этот современный теплоход, а «припледся», не осматривают вещи, как это делается во всех таможнях мира, а «роются» и «бдят». Как будто назначение таможни отгонять мух от взвешивающих в страну, а не ограждать ее от ввоза недозволённых вещей.

В дальнейшем автор все более не скупится на оскорбительные выражения: «заправилы», «стукачи», «самодуры» и тому подобное.

Горбачевич стремится доказать, что, де, за мнимый железный занавес бояться пускать туристов, потому что «от при-

он пишет на стр. 149 своего «скромного труда». Ему, как белорусу, следовало бы знать, что была героическая оборона Брестской крепости и сотен подобных крепостей на границе Родины, повешенные партизаны в городе Минске, у которых на груди были таблички с надписями: «Я стрелял по немецким войскам»; героическая оборона Севастополя и Одессы, разгром немцев под Москвой, прежде чем внезапно напавшие на нашу страну гитлеровцы начали отправлять юношей и девушек с Украины и Белорусии в рабство.

В книге уделёвшего за океаном сына, мать которого звер-

бачевич уже своим болезненным воображением решает, что из него хотя бы вытянуть взятку. Он мечется, бонься, как бы не остаться на Родине, где селёдка стоит на 3 копейки дороже. Он уже нахватал «фактиков» и теперь спешит в Нью-Йорк к «уважаемому Марку Ефимовичу Вайнбауму», чтобы выложить всю эту грязь на стол, потом при его помощи издать книжечку и получить за это заслуженную мзду. И этот человек, не содеявший для Родины ничего, кроме зла, обвиняет воинов многонациональной Советской Армии, которая шла на смертельный бой с врагами и победила, в отсутствии патриотизма.

Если против гитлеровцев у Горбачевича не нашлось ни одного презрительного слова, то против советской общественности он вставляет их в каждый абзац, нарочито, искажая действительность. «Чтобы, — пишет он, — получить высшее образование, юноша должен быть обязательно комсомольцем, иначе не примут в высшую школу». Горбачевич почему-то очень невзлюбил комсомольцев. Он, даже не спрашивая, стоит ли та или иная девушка или парень в комсомоле, считает их членами этой организации. Вот он сидит в чайной. К нему «подходит судомойка, (конечно) молодая комсомолка, наблюдавшая вас в окошечко, и говорит, что вы долго беседуете и должны освободить место для других».

На родную деревню Горбачевич смотрит холодно, как чужой. «Встретила меня родная деревня без ласки, тепла. Повидному, она не ждала меня, не знала, забыла. Как и я не узнал ее. Мы оказались чужими за 54 года». Скучно и грустно в деревне, в которой Горбачевич родился, а потом до 18 лет был пастухом. Ничто его не радует: ни новые дома, ни газ, проведенный в них, ни машины, которые облегчают труд его односельчан. Даже «мычат от скуки по утрам одинокие коровы». И едят его свояки «некультурно — пьют сырые яйца вместо чая и кофе».

Американский наблюдатель сует всюду нос, грубит, а его призвать к порядку не могут. Вот он в Слуцке заходит в дом культуры. Утро. Никого еще нет. Сидит на крыльце сторож-женщина. И, вполне естественно, спрашивает Горбачевича: — Что вам нужно?

И как вы думаете, что отвечает этот 70-летний, убоженный сединой старец?

— Мне нужна уборная. Для чего нужно было приводить Горбачевичу этот диалог? Чтобы показать свое хамство, свое невежество? О, нет! Оказывается, по пути в уборную он заметил рядом библиотеку. Вот, мол, в каком почёте у нас библиотеки!

Известно, что и в США, и в Канаде, и в каждой стране продукты питания не растут в городах на проспектах. И коровы и свиньи выращивают крестьяне или фермеры не только для себя, а и для города. В США такое положение устраивает американского туриста. Но в Белоруссии это его злит. «Скот, — пишет он, — регулярно поят-кормят, чтобы больше получить от коров молока, а от свиней мяса, нужного для обжорливых горожан».

Горбачевича раздражает «трескучая и пискливая музыка пластиннок на русском и белорусском языках, режущая, как пилой, нервы хлеборобов, спешащих на работу». Словно нельзя выключить эту музыку, если ее не хочешь слушать.

В книжонке 159 страниц. В ней Горбачевич хочет предстать эдаким знатоком всех вопросов экономики и политики архитектуры и искусства. То он вдруг нападает на «дурные нацреспублики». То утверждает, что «белорусского языка никогда не было» и Ленин «даровал народу этот музейный язык». То нападает на председателей колхозов при помощи вырванных из советских газет цитат. В конце, забыв о том,

КАК ПЕРЕСТАРАЛИСЬ МИСТЕРЫ ШИМКИН И ВАЙНБАУМ

будем наивными. Из-за спины крестьянина Дениса Горбачевича торчат уши Вайнбаума и руководителей РООВА. И не удивительно, что Денис Горбачевич не похвалился своей книжкой перед родными и колхозниками, у которых он два месяца гостил. «Заметки американского туриста» разбачивают самих же сочинителей и издателей этой книжки, и поэтому мы решили рассказать о ней нашим читателям.

Вначале все идет как будто гладко. Автор старается объективно показать то, что он видел во время своего путешествия в родную деревню Кальчицы.

Конечно, нельзя в наше время не сказать, что в этом Советском Союзе есть что-то, стоящее внимания. «Чего-чего, а школ в нынешней Белоруссии изобилие, — говорит с какой-то издевкой Горбачевич. — В этом смысле Советский Союз и Белоруссия стали на уровень с США (для американского наблюдателя выше США уровня нет) и всем культурным миром. Это, конечно, большие достижения... Заслуживает одобрения бесплатное медицинское обслуживание всего советского населения, которое пока не по карману даже богатейшим в мире США».

Но все это нужно сочинителям для того, чтобы, сквозь зубы процедив об успехах в СССР, тут же извратить и ополщить все.

Очутившись на прекрасном советском теплоходе, курсирующем между Монреалем и Ленинградом, американский наблюдатель больше с раздражением (потому что не к чему придираться, потому что всем нормальным пассажирам-туристам здесь хорошо) бубнит: да, «ежедневно кино, есть библиотека, места для различных игр, бассейн, устраиваются всевозможные концерты, кормят пассажиров в уютных ресторанах». Но, сделав вынужденное признание, Горбачевич заключает этот первый раздел так: «Отплыл пароход из Монреаля утром 4 июля 1966 года, а припледся в Ленинград утром 17 июля. В таможенные старательно роются в багаже, чего-то ищут, всякие мелочи проверяют, словом, — бдят».

ехавшего узнают всю правду о жизни в капиталистических странах». Но, чувствуя, что у читателя возникает вопрос: а как же пустили тебя, автора антисоветских книжек, он тут же отвечает: «И меня, как я узнал впоследствии, пустили навестить родных, потому что моих два брата погибли на войне с... гитлеровцами». (Даже здесь соврал).

В книжке, изданной в 1935 году, «Что я видел в России», Д. Горбачевич утверждал: «Советский Союз — величайшее кладбище. Советские граждане — мертвецы». А эти так мрачно представленные Горбачевичем советские люди построили социализм, разгромили гитлеровских захватчиков, восстановили страну из пепла и руин и первыми в мире поднялись в космос.

После поездки в СССР в 1960 году Горбачевич имел возможность пересмотреть то, что он писал до войны. Ведь все течет, все изменяется.

Но ничто не изменило Горбачевича. Он повторяет те же тезисы антисоветской пропаганды о «колоссе на глиняных ногах», которые опровергла жизнь. «Еще в 1934 году в своей книжке в главе «Красная Армия» я указывал (экий указчик! — Ред.) на небоеспособность Красной Армии, лишённой патриотизма. Могла ли она храбро сражаться? Опыт подсказал, что нет», — пишет Горбачевич в «Заметках американского туриста». Но читатель этой книжки даже в Австралии возразит: «Извините, опыт как раз показал, что эта армия не только разбила гитлеровских захватчиков, но и освободила от рабства народы Европы». У Горбачевича и на это есть ответ. Оказывается, «угол в рабство в Германию заставил советский народ задуматься и убедиться, что своя власть плохая, а чужая еще хуже, и на местах стали партизанить, а взятые в Красную Армию начали сражаться по-настоящему».

Если человек говорит о борьбе народа, потерявшего в войне 20 миллионов жизней, он, по крайней мере, должен знать хотя бы такую элементарную вещь, что гитлеровская армия напала на нашу страну 22 июня 1941 года, а не в 1940 году, как

ски замучили фашисты в 1942 году, вы не найдете ни слова осуждения нацистов. Наоборот, между строк заметно оправдание их. «Для устрашения (только для устрашения. — Ред.) каратели часто загоняли всех попавшихся людей в гумно, хлев и поджигали. Однажды, рассказали мне, заперли в помещении 60 душ. Поднялся ужасный вопль: «Спасите!» К счастью, прибыл старший немецкий офицер, приказал выпустить». Словом, если бы чаще появлялись старшие офицеры, было бы все в порядке... А если к тому же население не шло в партизаны, не помогало им, то и такие меры, как устрашение, не последовали бы и не была бы убита младшая сестра Горбачевича с детьми и не пострадал бы его шурин. Это тезис фальсификаторов истории, записавших гитлеровских преступников. Он не новый и давно известный.

Горбачевич спорит с сельской молодежью. Он хочет убедить советских парней, что при царе было лучше. Но получается осячка. «С ними, — признается автор книжки, — не знающими прошлое, мне трудно было спорить: теперь колхозник зарабатывает 2 с половиной рубля, раньше он, в том числе и автор этих строк, работая у помещика косцом или с плугом в поле, зарабатывал 60 копеек в день. Но тогда селёдка стоила 2—3 копейки, а теперь 30 копеек. Вот теперь и рассудите сами, когда было лучше и когда стало хуже». Таким трехкопеечным, селёдочным патриотизмом нашу молодежь не кушши.

Из книжки Горбачевича так и прет торгашеством. Его «патриотизм» клонит к той жизни, где селёдка на три копейки дешевле. В Америке, прирабатывая на безграмотной клеветнической галиматее, он поднакопил долларов и бонься, как бы не истратить лишний цент. Всяду, где он должен вынуть из кармана деньги и уплатить по-лаженное, он видит воров, взяточников. В Минске в «Интуристе» Горбачевич заказал билет: Минск — Москва, Москва — Париж, Париж — Нью-Йорк. Ему объясняют, что надо подождать, потому что задержка произошла с выполнением его просьбы в Париже. Но Гор-

СОНЦАМ СУСТРАКАЕ МІНСК

што сам до от'езда в США был пастухом, описывая, кому в колхозе жывецца хораша, с'язавил: «Легче всего достаюцца денешкі колхозным пастухам—вот уж действительно из грязи прямо в князи».

Советский город представлен Горбацевичем «ненасытным, прожорливым брюхом», рабочий на заводе, который дает деревне технику, электрончество, одежду,—туеядцем. Он живет «за счет хлебопашца-крестьянина, который, как жук в навозе, вечно трудится, но получает в пять раз меньше, чем городской рабочий и служащий».

Можно было бы простить Горбацевичу, если бы он не видел, как трудятся колхозники. Он был на фермах, где доярки, свиноводы, кормят скот, убирают навоз при помощи механизмов. Крестьянин-хлебопашец сегодня — это тракторист, комбайнер, агроном, мелиоратор, животновод.

Дважды в книге Горбацевич старается убедить читателя в своей неподкупной честности: «Я в жизни никогда не врал и на старости лет тем более не намерен кривить душой». «Я 54 года прожил в США и никогда никому не говорил неправды».

Заметки американского туриста говорят об обратном. Врет Горбацевич в книжке, лицемерит перед родными, которые приняли его гостеприимно, угощали. «При встрече с родными в поселках и деревнях, с земляками-соседами, имеющими родственников в США, меня везде радостно приглашали посмотреть хаты, хозяйство, чтобы по приезде в Америку передать родным, как они живут».

Горбацевич в благодарность за гостеприимство ответил поклепом. А вот еще одно вранье. Горбацевич пишет, что в Слуцке ему предложили написать статью для местной газеты. Горбацевич выполнил просьбу. «В своей статье я неодобрительно высказался о колхозных клубах», — пишет он, — и самих колхозников: мало читают, при еде вместо кофе или чая пьют сырые яйца. Начальники посмеялись на мое творчество и забраковали».

Редакция решила проверить, лжет Горбацевич или правду говорит. Позвонили в Слуцк, в редакцию газеты «Шлях Ильича».

— Скажите, вам писал Горбацевич статью во время своего пребывания в родной деревне?

— Да, и очень хорошую. — И вы ее поместили? — Да, могу даже сказать, когда. Одну минуточку, сейчас. Вот-вот. Она была помещена 1 ноября 1966 года.

— А рукопись автора у вас сохранилась?

— Можно будет поднять архив.

— Пожалуйста, пришлите ее, когда найдете.

И вот рукопись Горбацевича лежит перед нами. Она озаглавлена: «Через 53 года в родной деревне». Мы ее печатаем в сегодняшнем номере газеты. Прочитируем только одно место из этой рукописи. «Моя просьба, напечатайте все, если можно, вышеуказанное в «Сельской газете» и других, по желанию, но не в газете, издающейся исключительно для русских за границей. Напечатание в последней мне может принести много неприятностей от американских властей». А в книжке, изданной в Нью-Йорке, Горбацевич пишет: «У капиталистов имеется хоть некоторая политическая свобода». Так когда же Горбацевич врет, а когда говорит правду? А еще хвалится своей честностью.

Очень похоже на то, что заметки американского туриста написаны не рукой самого Горбацевича. Тут уже постарались и даже перестарались мистеры Шимкин и Вайнбаум. Очень уж заметен почерк лакеев империализма. А Горбацевич посвящает этот злобный пасквиль памяти матери, зверски убитой гитлеровскими захватчиками.

Мова жанчыны лілася плаўна, спакойна. Яна з асалодай выгаворвала кожнае беларускае слова, радалася, што яе ўсе разумеюць, была шчаслівая ад таго, што яна дома, сярод сваіх людзей.

— Глядзіце, якім сонцам сустракае нас Мінск, — гаварыла Марыя Гаўрыцкая сваім спадарожнікам. — А ў Маскве, памятаеце, таксама было добрае надвор'е, а потым дождж як урэзаў.

З такім смакам, так па-нашаму, па-беларуску, сказала зямлячка гэтае апошняе слова, што я адразу звярнула на яе ўвагу.

— Вы так добра памятаеце мову. Напэўна, не вельмі даўно пакінулі Бацькаўшчыну? — звярнула я да Марыі Гаўрыцкай.

— Памыляецеся, — усміхнулася турыстка. — Я ніколі не жыла тут. Нават нарадзілася ў Канадзе. Але яшчэ ад дзядулі, а потым ад бацькі і маці пераняла любоў да гэтага краю. Дома я заўсёды чула толькі родную мову. Мне столькі расказвалі пра вёску, пра яе працавітых людзей, што і ў Канадзе я палюбіла назаўсёды. А калі нарэшце адбылася сустрэча, мне ўсё тут здалася знаёмым, я адразу адчула сябе дома. У першы раз у Шарашове я была гадоў васьм таму назад. Цікава будзе паглядзець, што там у нас змянілася.

Жанчына працягвала гаварыць. Яна расказвала, што не зусім добра сябе адчувае, і нават баялася пусцацца ў такое далёкае падарожжа, а потым вырашыла: «Два вякі не пражывеш, а калі суджана паміраць, дык лепш на роднай зямлі». А я слухала яе і думала: якой моцнай была любоў да Радзімы ў бацькоў Марыі, калі яны змаглі не толькі самі да канца застацца патрыётамі, але выхаваць патрыёткай і дачку.

— Калі ўжо вы загаварылі пра мову, дык і я вам раскажу адзін выпадак, — умяшаўся ў гаворку муж Марыі Уладзімір Гаўрыцкі. — Гэта было яшчэ ў мой першы прыезд на Радзіму, у 1959 годзе. У Маскве ў нас была экскурсія на Выстаўку дасягненняў народнай гаспадаркі. У Беларускім павільёне экскурсавод спытаў, на якой мове мы жадаем слухаць тлумачэнне: на беларускай, рускай ці англійскай. Я кажу, на беларускай, а сябра Мікалай, які стаяў побач, штурхнуў мяне ў бок, маўляў, не трэба на беларускай. Не ведаю, аб чым ён падумаў. Можна, успомніў тыя часы, калі наша

мова лічылася мужыцкай і была не ў пашане.

Экскурсавод пачала гаварыць па-беларуску, мы ўсе уважліва слухалі. Я незнарок зірнуў на Мікалая. Гляджу, а ў яго па твары сляза коціцца.

Экскурсія на Мінскі трактарны завод працягвалася амаль чатыры гадзіны. Аўтобус з турыстамі падышоў да прахадной як раз у той момант, калі скончылася рабочая змена. Тысячы людзей, мужчын і жанчын, выходзілі з заводскіх варот, садзіліся на трамвай, аўтобусы, разыходзіліся ў розныя бакі. Многіх чакалі аўтобусы, на якіх замест назвы маршруту было напісана: «Прафілакторый». Гасцяў растлумачылі, што пры Мінскім трактарным круглы год працуе прафілакторый. Там за невялікую плату, або зусім бясплатна, адпачываюць рабочыя. Днём яны працуюць у цэхах, а пасля змены спецыяльныя аўтобусы вязуць іх у заводскую здраўніцу, дзе яны праводзяць застаўшуюся частку сутак. Рабочыя там харчуюцца, калі трэба, атрымліваюць неабходную медыцынскую дапамогу і лячэнне, знаходзяцца на чыстым паветры.

З заводам, умовамі працы, парадкамі суйчыннікаў знаёміў начальнік аддзела тэхнічнага навучання Цімафей Васільевіч Малік. Гасці пачулі расказ аб тым, як узнікла гэтая буйнейшая ў нашай рэспубліцы

прадпрыемства. Пастанова Саветаў Цэнтральнага ўрада аб яго будаўніцтве была падпісана ў першы пасляваенны год. І ўжо ў 1953 годзе на тым месцы, дзе раней шумеў лес, гудзеў завод, які даў першыя 15 тысяч трактараў. Світа з яго канвеера павінна сыйсці амаль 80 тысяч першакласных машын. Нашы трактары працуюць на палях Беларусі, Украіны, Узбекістана, Расійскай Федэрацыі і іншых рэспублік Саветаў Саюза, іх купляюць 50 замежных краін.

— А якая сярэдняя зароботная плата рабочага на вашым прадпрыемстве?

З гэтага, можна сказаць, традыцыйнага пытання пачалася ажыўленая гутарка папаміж Ц. Малікам і турыстамі.

— У сярэднім 117 рублёў.

— Вось вы расказваеце аб тым, што за якіх-небудзь 10—15 год завод павялічыў выпуск прадукцыі амаль у тры разы. Пры дапамозе чаго вы дасягнулі такіх вялікіх поспехаў? За кошт укаранення новай тэхнікі ці вы, як гэта робіцца на капіталістычных прадпрыемствах, прымяняеце патагонную сістэму? — спытаў наш зямляк з Брэстчыны Кандрат Кіевіч.

— Мы ўкараняем новае, больш дасканалое абсталяванне, новую тэхналогію, павялічваем колькасць рабочых. Усе асноўныя дэталі мы ўжо даўно апрацоўваем на аўтаматычных лініях. Раней маторы збіралі непасрэдна на заводзе,

Малік.—Але тым, хто працуе ў гарачых цэхах, пенсія прызначаецца ў 55 год. Памеры пенсіі? 50 працэнтаў зароботнай платы плюс 10 працэнтаў, калі чалавек прапрацаваў 15 год на адным прадпрыемстве або яго агульны рабочы стаж роўны 25 гадам. Максімальная пенсія 120 рублёў. Чалавек, які пайшоў на пенсію, можа працаваць. Калі ён працуе 2 месяцы ў годзе, ён атрымлівае поўнаасцю і пенсію і зарплату. Калі працуе поўны год, то атрымлівае зарплату і 50 працэнтаў пенсіі. Пенсію рабочым выплачвае дзяржава, а не завод.

Нават самы красамоўны расказ не заменіць асабістае ўражанне. Таму, калі скончыўся паток пытанняў, якімі турысты літаральна засыпалі Ц. Маліка, іх запрасілі прайсці па цэхах. Гасці пабывалі на канвееры, з якога ў змену сыходзіць 100 трактараў. Уладзімір Гаўрыцкі трапіў у цэх, дзе ў 1959 годзе, калі ён быў тут першы раз, дэталі для будучых машын апрацоўваліся ўручную. Як жа быў урадаваны наш зямляк, калі ўбачыў, што гэтыя ж дэталі апрацоўваюць цяпер аўтаматы і паўаўтаматы.

Агледзелі гасці завод, пагутарылі з рабочымі, а потым іх падвезлі да палаца культуры трактарабудаўнікоў. У бібліятэцы палаца, якой усе рабочыя могуць карыстацца бясплатна, больш 100 тысяч кніг. Вечарамі ў танцавальнай зале кру-

У музеі Мінскага трактарнага завода.

Землякі-беларусы ў бібліятэцы палаца культуры МТЗ знаёміліся з беларускімі выданнямі.

цяпер нам іх дастаўляюць з маторнага завода.

— Але калі капіталіст устанавівае больш дасканалыя станкі, ён скарачае колькасць рабочых. Людзей выкідаюць на вуліцу, і нікому да іх няма справы. Як у вас робіць адміністрацыя ў такіх выпадках?

— Наша краіна развіваецца хуткімі тэмпамі, мы расцём, у нас не хапае рабочых рук. Вазьміце газету «Вячэрні Мінск». Апошняя старонка кожнага нумара запоўнена аб'явамі, якія пачынаюцца аднымі і тымі ж словамі: «Патрабуюцца на работу». Нам патрэбны токары, слесары, інжынеры, друкары, машыністы. Ну, а калі браць гэтае пытанне ў рамках нашага завода, то справы абстаецца так. Увялічылі, напрыклад, на заводзе новую аўтаматычную лінію, вызвалілі дваццаць чалавек. Адміністрацыя павінна прадаставіць ім другую, не менш аплатаемую работу на гэтым жа прадпрыемстве. Не можа прадаставіць на гэтым—пераводзіць на другую завод, фабрыку, камбінат.

Большасць турыстаў у групе — людзі пажылыя. Многія з іх ужо на пенсіі, і таму пытанне пенсійнага забеспячэння рабочых іх цікавіла асабліва.

— Звычайна на пенсію мужчыны выходзяць у 60 год, жанчыны ў 55, — пачаў Цімафей

жацця пары, у кіназале дэманструюцца кінафільмы. У лекцыйнай зале можна паслухаць лекцыю, а ў тэатральнай выступаюць артысты прафесійных тэатраў і свае, самадзейныя. Дарэчы, на Мінскім трактарным заводзе 16 калектываў мастацкай самадзейнасці, тром з іх прысвоена званне народных. Танцавальны народны ансамбль «Лявоніха» зараз на гастролях у Ленінградзе, а пабываў ён ужо і ў Балгарыі, і ў Польшчы.

— Было б добра, каб і да нас у Канаду ён прыехаў, — сказаў кіраўнік групы Уладзімір Гаўрыцкі. — Вы нават не можаце сабе ўявіць, якой гэта было б важнай падзеяй для нас усіх. Перад намі на «Аляксандры Пушкіне» выступала з самадзейнасцю каманда цэпалоха, да гэтага часу не можам забыць той канцэрт.

Калі ад'язджалі з завода, думку турыстаў выказаў Кандрат Кіевіч:

— Нам яшчэ многаму трэба ў вас вучыцца. Вы стварылі для рабочага чалавека такія ўмовы жыцця і працы, якіх не ведае ні адна капіталістычная дзяржава свету. Краіна, разбітая бомбамі, гарантуе кожнаму чалавеку работу. А багатая Канада аб гэтым толькі марыць.

Д. ЧАРКАСАВА.

Фота Ул. КІТАСА.

ТВОРЧЫ ГАРТ

Івану Грамовічу
50 год

Іван Грамовіч — прадстаўнік таго пакалення, чыё юнацтва спазнала ўсю цяжкасць і невымерную радасць будаўніцтва новага, шчаслівага жыцця, чыя сталасць гартавалася ў польмі Вялікай Айчыннай вайны. Усё гэта стала вялікай жыццёвай школай для Івана Грамовіча як чалавека і як пісьменніка.

— Я рады, — прызнаецца ён, — што нарадзіўся ў такую бурную пару. Шчаслівы, што вырас пад гарачым сонцам савецкага жыцця, убачыў, як спее зерне, пасеянае ў сэрцах народа вялікімі думкамі нашых бацькоў, якія здзейснілі Вялікую сацыялістычную рэвалюцыю.

І можа ад таго, што Іван Грамовіч многае пабачыў, шмат перажыў, у ягоных творчых няма нічога другараднага. Кожнае, нават самае маленькае апавяданне насы-

чана значнымі падзеямі і фактамі, цікавымі людзьмі.

Сам пісьменнік пра гэта гаворыць так:

— Галоўная мая задача: паказаць, раскрыць пачуцці майго сучасніка. Маладыя сучаснікі — любімыя мае героі, іх праца, каханне, дружба — асноўная тэма.

Іван Грамовіч заваяваў папулярнасць у чытачоў як майстар кароткага жанру — апавядання, навелы, нарыса. Першае яго апавяданне «Ружавеў усход» было змешчана ў 1935 годзе па рэкамендацыі Кузьмы Чорнага ў калектыўным зборніку «Аднягодкі». З той пары імя маладога пісьменніка часта сустракаецца на старонках розных газет і часопісаў. Яго творы звяртаюць на сябе ўвагу не толькі значнасцю і актуальнасцю тэмы, але і жывой, каларытнай мовай, дакладнасцю мастацкай дэталі.

Вайна на доўгі час перапыніла творчую дзейнасць Івана Грамовіча. Змяніўшы пярэ на вінтоўку, ён ідзе ваяваць на фронт. Але і там, на фронце, ён глядзеў на ўсё ўважлівым вокам пісьменніка — што занатоўваў, а што проста запамінаў. Пазней усё гэта назранні ляглі ў аснову ягонай першай кніжкі «Апавяданні», якая выйшла ў Дзяржаўным выдавецтве БССР у 1947 годзе.

Услед за першай кніжкай неўзабаве паявіліся новыя — «Першае верасня» і «Агні пацігодкі» (1949 г.), «Да ясных вышынняў» (1952 г.), «Запаветны камень» (1953 г.), «У лесе на палянцы» (1957 г.), «Рына - Марына» (1958 г.), «Шырокія азёры» (1959 г.), «Жаўранак» (1961 г.) і іншыя. Ад кнігі да кнігі расце майстэрства пісьменніка, усё больш вострым, адточаным становіцца яго пярэ.

ПАДАРОЖЖЫ НАШЫХ ЗЕМЛЯКОЎ

Далёка ад роднай Беларусі, пачынаючы з XVI стагоддзя, вечер вандраванняў заносіў нашых землякоў — выдатных вучоных, падарожнікаў. Мінскае выдавецтва «Навука і тэхніка» выпусціла кнігу В. Грыцкевіча «Падарожжы нашых землякоў». У ёй апісаны найбольш значныя падарожжы 15 чалавек, якія пашырылі ўяўленне аб асобных краінах, аб прыродзе, насельніцтве і быццё ў мінулым.

Калі падарожжа Мікалая Радзівіла (Сіроткі) па Бліжням Усходу ў XVI стагоддзі, мяркуючы па яго запісках, праходзіла без асаблівых прыгод, то інакш было з «медыцыны доктарам і акулісткай» Саламеяй Русецкай у XVIII стагоддзі, якая перажыла нямала здарэнняў. У час паездак па Турцыі, Балгарыі, Аўстрыі, Румыніі ёй неаднаразова пагражала смерць, турма, палон у разбойнікаў. Яна ўцякала, пераапрадалася мужчынам, прабівалася праз тэатры ваенных дзеянняў.

Вялікае месца ў кнізе адведзена «доктару Руселю» — Н. К. Судзіпоўскаму. Урач-рэвалюцыянер, чалавек легендарнага лесу пакінуў след у гісторыі Швейцарыі, Англіі, Румыніі, Францыі, Балгарыі, ЗША, Японіі, Кітая. З 1892 года ён пасяліўся на Гавайскіх астравах і атрымаў прозвішча «Каука-Лукіні» (добры доктар). Русель быў абраны прэзідэнтам гавайскага сената, выкрываў драпежніцкую палітыку амерыканскага імперыялізму.

Цікавыя заключны раздзел кнігі, дзе гаворка ідзе аб даследаваннях Сібіры, Камчаткі, Паўночнага полюса. Ён знаёміць нас з Бенедыктам Дыбоўскім, які вывучаў Байкал, Іванам Чэрскім, імя якога названы горы хрыбет і даліна. Адным з энтузіястаў асваення Поўначы быў Андрэй Вількіцкі — ураджэнец Мінскай губерні. Ён прыклаў многа сіл для развіцця ідэі Паўночнага марскога шляху. Яго дзейнасць пасляхова прадоўжыў сын Барыс. Іх імяны чыпер сустракаюцца на геаграфічных картах Арктыкі. На сусветную грамадскасць зрабіла вялікае ўражанне адкрыццё Паўночнай Зямлі, зробленае ўжо ў XX стагоддзі.

У гэтым жа раздзеле апісана жыццё «начальніка Арктыкі» Ота Юльевіча Шмідта. Ураджэнец Магілёва выступаў прыхільнікам развіцця вытворчых сіл савецкай Поўначы, яе культуры. У гісторыю назаўсёды ўвайшла герцаічная з'ява парахода «Чалюскін» і высадка першай экспедыцыі «Паўночны полюс-1», звязаныя з імем Шмідта, многія іншыя яго слаўныя справы ў навуцы.

Кніга расказвае таксама аб падарожжах Ігната Данейкі, Аляксандра Сапегі, Юліяна Нямцэвіча, Канстанціна Ельскага, Іосіфа Гашкевіча, Іосіфа Хацько, Міхаіла Врончанкі, якія вывучалі дзяржавы басейна Міжземнага мора, Чылі, Злучаныя Штаты Амерыкі, Японію, Гвіяну.

ТУРБАЗА У АДЫГЕІ

Поўдзень. Пабліскаюць на сонцы серабрыстыя хвалі імклівай горнай рэчкі Шахагуашэ. Удалечыні горы ў белых шапках. Самая вялікая з іх — прыгажуня Фінт. Некрануты піхтавы лес у зялёным убранні. Пад нагамі мяккая, як аксаміт, трава. Гэты цудоўны від адкрываецца, калі стаіш на гары Тыбга, паблізу пасёлка Гузерыплі Мэйкопскага раёна.

Цяпер у пасёлку Гузерыплі створана адыгейская турыстычная база «Каўказ». Тут пабывалі першыя партыі турыстаў. За летні перыяд турбазу «Каўказ» наведваюць больш сямі тысяч чалавек.

Турбаза ў Гузерыплі хутка стане яшчэ больш прывабнай: будуць узведзены новыя будынкі ў сучасным стылі, пабудаваны пляцоўкі для гульні, басейны.

К. ЖАНЭ.
(АДН).

ГУМАР

Глюзіяніст, уздыхнуўшы, скажаў:

— У мяне быў сенсацыйны нумар: я распілавай сваю жонку папалам. А ў хуткім часе мы разышліся...

— Дзе ж цяпер твая жонка? — спытай ў яго прыцэль.

— У Парыжы і ў Рыме.

У Стагольме непітушчы ўвайшоў аднойчы ў рэстаран і ўбачыў мужчыну, перад якім на стале стаяла бутэлька гарэлка.

— Ці вы не ведаеце, што спіртное штогод уносіць тысячы шведар на той свет?

— Гэта мяне не датычыць. Я датчанін.

Пацыентка звяртаецца да ўрача:

— Калі існуе столькі медыцынскай літаратуры, навошта тады ўрачы?

— Каб хворы не памёр з-за якой-небудзь друкарскай памылкі.

ЗАКАЗЧЫК. Мне трэба папіць касцюм. Але як мага хутчэй.

КРАВЕЦ. Ён будзе гатовы праз месяц.

ЗАКАЗЧЫК. Праз месяц! Гасподзь бог стварыў увесь наш свет за адзін тыдзень!

КРАВЕЦ. І ён вам падабаецца?

Канстанцыя БУЙЛА

РАДЗІМЕ

Я паціху пярэ... Толькі веру, мяне ты пачуеш.
Песня скажа табе, як нязменна і моцна люблю я
Цябе—шчасце маё, маю радасць, душы маёй сілу.
Не была б я сабой, каб цябе ўсёй душой не любіла.
Маці, родная, любая! Ты—наша добрая маці...
Працаваць для цябе—ці на свеце ёсць большае шчасце!
Усю сутнасць маю—чым багата душа, поўна сэрца,
Усё аддам я табе. І ўсяго таго мала, здаецца.
Ты жыццё мне дала. У дар прынесла мне шчасце свабоды,
Навучыла служыць усім сэрцам табе і народу,
Песні ў грудзі ўліла, што гучаць ў поўны голас так шчасна,
Як цвіце наша доля, як свеціцца сонейка ясна.
Мы кавалі яе. Наша доля — працоўных рук справа,
Дык жа слава табе! І народу нязломнаму — слава!
Ён усё перамог, перанёс... Кінуў гора пад ногі!
І як волат ідзе да вялікай за ўсе перамогі.
Ой, крутыя дарогі! Ісці па іх нам не лёгка, не проста.
Толькі людзі у нас да эпохі раўняюцца ростам.
Перашкоды ім што! Яны возьмуць усё перашкоды,

Возьмуць трудны рубаж, возьмуць працай натхнёнаю, з ходу.
Я паціху пярэ. Толькі ты маю песню пачуеш.
Мае рукі, душу, маё сэрца табе прынашу я,
Дум крылаты палёт, маіх песень гарачыя словы,
Усё жыццё да канца шчырай працы аддаць я гатова,
Каб наблізіць той час, калі ў працы народнай ўзаскрэсне
Камунізм — наша шчасце... Народа свабоднага песня!

Даўно, ох, даўно адбылося ўсё гэта,
Як быццам сталецці з тых дзён працяклі...
Узняўся наш край—быццам мара пазта,
На вольнай, як птах, беларускай зямлі,
Шумяць гарады... Дымяць трубы заводаў,
Як быццам вайны і не зналі у нас...
Будовы выносныя — гордасць народа,
Узнімае і горад, узнімае й калгас.
Народ наш — ён сілай упартай багаты,
Настомныя рукі ў нашых людзей,
Ён вынес і боль, і знішчэнне, і страты —
І ўпэўненым крокам наперад ідзе.
Хто скорыць такіх і што гэтых надломіць!
Народ наш, ён долі сваёй гаспадар!
Вайну перанёс, не знісеў у стоме,
Усё ён, што мог, усё радзіме аддаў.
Аддаў з захваленнем! Таму так прыгожа,
Таму так багата яна расцвіла,
Што наш чалавек немагчымае змога,
Бо моц яму—воля дала.

РАБОЧЫЯ-АРТЫСТЫ

Заўсёды з вялікім поспехам выступае хор народнай песні палаца культуры Мінскага ордэна Леніна аўтамабільнага завода. Яго добра ведаюць рабочыя і служачыя завода, працоўныя сталіцы, жыхары многіх калгасаў і саўгасаў рэспублікі. Выступаў хор у Маскве, Вільнюсе.

У гэтым годзе хор быў удастоены звання народнага. Немалая заслуга ў гэтым належыць мастацкаму кіраўніку і арганізатару А. Нікіцінай. Аб поспехах хору сведчаць памятныя падарункі, граматы і дыпламы гарадскіх, рэспубліканскіх і

ўсесаюзнага аглядаў мастацкай самадзейнасці.

Хор папаўняецца ўвесь час новымі ўдзельнікамі. Але ёсць і такія, што спяваюць у ім амаль з дня яго заснавання. Гэта эканаміст В. Мярэлюк, электрык К. Купрэвіч, рабочыя В. Філанюк, А. Максіменка і іншыя, якім прысвоена званне артыстаў народнага хору.

Рэпертуар уключае ў сябе песні беларускіх і рускіх кампазітараў, народныя песні.

В. АФОНІН.

НА ЗДЫМКУ: выступае хор народнай песні Мінскага аўтамабільнага завода.

РЕДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

НАШ АДРАС:

МІНСК, ЛЕНІНСКІ ПРАСПЕКТ.

ТЭЛЕФОНЫ: 6-19-31, 6-97-92, 6-18-88, 3-15-15.